

Пролог

Под звуки сякухати¹ луч прожектора упал на темную сцену. Освещенная им фигура мужчины вызвала удивленные восклицания в зрительном зале.

В Японии, пожалуй, зрители реагировали бы иначе. Но происходило все это не в Японии, а в Америке, в Лас-Вегасе.

Мужчины был одет во все белое, бока охватывал красный пояс. Собранные на затылке длинные волосы доставали до середины спины.

Он быстро отвел руку в сторону, и его запястье на мгновение исчезло из виду, уйдя из луча света. Когда мужчина вернул руку обратно, зрители затаили дыхание при виде того, что он в ней держал.

Это был клинок, японская катана не меньше метра длиной. Мужчина сделал мечом несколько взмахов в обе стороны, и остро заточенное лезвие угрожающе блеснуло. Меч замер, направленный острым концом вниз. В это мгновение свет залил всю сцену. Одновременно просветлели и лица зрителей, особенно мужчин. На сцене стояли три светловолосые женщины. Они были в роскошных платьях с глубоким декольте.

Теперь мужчина резко повернул меч острием вверх. Тут же из-за кулис появились трое в черном.

Даже иностранцы по такому облачению могут легко догадаться: это ниндзя. Головы и лица скрыты масками.

¹Сякухати — японская бамбуковая флейта.

Под мышкой — свернутые соломенные коврики мусиро. А вот это название вряд ли слышал кто-то из публики.

Подойдя к блондинкам, ниндзя быстро развернули мусиро и стали оборачивать ими женщин. Те испуганно сопротивлялись. Но ниндзя силой завернули их в циновки; при этом мужчина в белом прохаживался вокруг, не расставаясь с катаной. Звучание сякухати стало более резким.

Наконец хрупкие фигурки женщин окончательно скрылись в циновках. Но все-таки они продолжали извиваться. Ниндзя связали их веревками поверх циновок. Женщины перестали двигаться — теперь на сцене стояли три соломенных столба.

Мужчина в белом остановился, высоко поднял зажатый в правой руке меч, пристально посмотрел на него и перевел взгляд на стоявший рядом соломенный столб. Затем медленно подошел, обхватил рукоять меча обеими руками и принял стойку с замахом из верхнего положения. Сделал вдох и с силой рубанул мечом сверху вниз. Разваленный наискось соломенный столб упал с глухим звуком.

Публика не издала ни звука. Не слышно стало и сякухати.

Мужчина приблизился ко второму столбу и на этот раз мгновенно ударил мечом. И этот столб был идеально разрублен и тяжело рухнул на пол. Даже не взглянув на него, мужчина метнулся к третьему столбу и в полной тишине нанес горизонтальный удар. В зале раздались слившиеся вместе звуки рассекаемого мечом воздуха и разрушаемой циновки. Отрубленная верхняя часть соломенного столба наклонилась и рухнула. Нижняя осталась стоять.

Мужчина в белом, взглянув в зал, вышел на середину сцены и повернулся спиной к зрителям. Затем трое ниндзя выстроились на сцене лицом к нему. Мужчина высоко поднял меч и под пристальными взглядами публики произвел резкий взмах. Маски упали с лиц ниндзя.

В зале раздались вопли. Из-под упавших масок появились лица тех самых женщин. Вопли перешли в крики восторга. Они нарастали, сотрясая весь театр. Когда ниндзя, распустив пышные светлые волосы, с широкими улыбками вышли на авансцену, зрители начали вскакивать с мест, аплодировали, кричали, свистели и, кажется, даже топали.

Мужчина в белом неторопливо повернулся к публике. Еще шире развернув руки, он с неотразимой улыбкой склонил голову.

1

Увидев изображение на экране, Маё сразу смутилась. На фотографии были она и ее одноклассница из старшей школы. Они снялись перед супермаркетом рядом со школой.

— Эту фотографию... давай не будем, — проговорила Маё.

— Почему же? — удивленно спросил сидевший рядом Кэнта Накадзё. — Мне кажется, хорошая фотография.

— Я тогда была толстая. И ноги все на виду... Ужас!

Обе школьницы на снимке были в совсем уж коротеньких юбочках.

— Совсем не толстая. Юбка, правда, коротковата...

— Пояс юбки подворачивали два-три раза, и она становилась короче. А в школе, чтобы не нарваться на замечания преподавателя, отворачивали обратно. А вы так не делали?

Собеседница, к которой обратилась Маё, сидела за столом напротив нее. Сейчас она надела маску, но лицо ее было знакомо по предыдущим встречам. На вид лет тридцати, она, пожалуй, была сверстницей Маё. Одетая эта женщина была в форменное платье гостиницы.

— Да, мы тоже часто так подворачивали. — Глаза женщины улыбнулись. — Забавно вспомнить...

— Точно. А в ваше время так не делали, Кэнта?

Кэнта был на семь лет старше, ему исполнилось тридцать семь.

— Не очень помню. Я ведь в мужской школе учился.

— Хочешь сказать, что по дороге на учебу не видел девочек из других школ?

Кэнта усмехнулся:

— Видел, конечно, но особенно не разглядывал. А эту фотографию стоило бы оставить. Хороший снимок.

— Я тоже так думаю, — сказала служащая гостиницы.

— Правда? Ладно, оставим, наверное.

— А какую подпись сделаем?

— Подпись? — Маё на мгновение задумалась. — «В старшей школе длина юбки — это смысл жизни!»

— Ха-ха-ха! — сидевший рядом с ней Кэнта хлопнул в ладоши. — Гениально!

— Замечательно! — Служащая гостиницы, прищурившись, застучала по клавиатуре.

Маё и Кэнта сидели в салоне для новобрачных одной из токийских гостиниц. До их свадьбы оставалось всего два месяца. Сейчас они обсуждали, какие слайды показать на вечеринке. Каждый принес свои снимки, и теперь вместе выбирали подходящие. В наше время несложно самим подготовить какое-нибудь слайд-шоу, но им хотелось сделать это качественно. Как бы во время торжества не случилось накладок, когда что-то зависнет или пропадет звук... Поэтому решили поручить это дело профессионалам. Свадебный прием планировали устроить на открытом воздухе. Начаться он должен был после захода солнца, и не стоило опасаться, что изображение на экране будет плохо видно, но некоторые детали, вроде качества изображения или баланса цветов, новичкам трудно учесть.

Маё с партнерами продолжали выбирать фотографии, когда из открывшейся в глубине салона двери появилась пара. Маё мельком взглянула на женщину и примолкла.

Живот женщины заметно округлился, хотя она и пыталась это скрыть.

Пара, провожаемая служащей гостиницы, вышла из салона. От нее исходило ощущение счастья.

— Что-то случилось? — спросил Кэнта.

— Да... эта женщина. Мне показалось, что живот у нее большой.

— А, правда? Нет, я не посмотрел.

Маё повернулась к служащей гостиницы:

— Сейчас много таких?

Служащая слегка кивнула:

— Да, несколько пар в год бывает.

— Теперь, наверное, меньше стесняются связей до брака...

— Не знаю. Думаю, нет. Людей это все-таки как-то беспокоит. Часто просят подобрать им такой покрой подвечного платья, чтобы было не слишком заметно.

— Да, конечно.

— Почему это тебя заботит? — Кэнта подозрительно сдвинул брови.

— Подумала, что здесь нет ничего плохого. — Маё посмотрела в лицо жениха. — Раз уж так получилось... И не придется беспокоиться, будут ли дети в браке. Не согласен?

Кэнта неуверенно наклонил голову:

— Я как-то об этом не задумывался.

— Ну...

— Не все ли равно? Если не получится завести детей. Раз так, ну и пусть, можно радоваться семейной жизни только вдвоем. Разве нет? — Кэнта повернулся к служащей, прося ее поддержки.

— Пожалуй. Бывают разные супружеские пары, с разными жизненными ценностями, — ответила она мягко.

— Может, и так... Извини, сказала не к месту. Продолжим. — Маё уселась поудобнее, выпрямив спину.

Наконец с подбором фотографий было покончено. Выходя из салона, Кэнта спросил:

— Что это было?

— Ты о чем?

— О добрых детях.

— Да ничего особенного. Просто подумала об этом...

— Последнее время ты часто заговариваешь о детях. То говоришь, что сразу хочешь завести ребенка, то — что хотела бы иметь нескольких детей...

— Я так делаю?

— Да. Ты, может быть, и сама не замечаешь.

— А что странного в таких разговорах? Скоро свадьба, и поговорить об этом в ее канун вполне нормально, нет?

— Может быть, и так. Но мне кажется, ты на этом зацкливаешься.

Маё остановилась и повернулась к Кэнте.

— А на этом плохо зацкливаться? Разве не нормально думать о той жизни, когда появятся дети? Я, например, работаю, и безответственно не думать как раз об этом.

Кэнта нахмурился и положил ладони Маё на плечи.

— Я это понимаю. Не тупи.

— Но ведь ты говоришь странные вещи...

В этот момент из сумочки Маё послышался сигнал доставки сообщения.

— Извини. — Она вытащила смартфон.

Это было сообщение от подруги детства из ее родного городка. Маё догадалась, о чем оно. Уже по теме сообщения было ясно, что предположила она правильно.

Вздыхнув, Маё покачала головой:

— Как же поступить...

— Что там?

— Приглашение на встречу выпускников. Средней школы. В следующее воскресенье. И, похоже, я одна не ответила, смогу ли приехать.

— Что-то ты не очень обрадовалась... Не хочется встречаться со старыми друзьями?

— Да не то чтобы не хотелось, но ведь устану... К тому же наверняка туда и отца пригласили.

— И что? Позвать учителя на встречу выпускников — обычное дело, — ответил Кэнта.

— Я уже рассказывала, кажется. Хочется стереть все воспоминания о средней школе.

— Да, ты говорила, что старалась там не выделяться. Но ведь это давнишняя история.

— Какая разница! Как-то ездила на встречу выпускников старшей школы, и как только увидела их лица, вернулась в то давнее время. И отношения между людьми, и разговоры все те же. Одноклассники средней школы в маленьком городке все друг о друге знают, и тем более получится так, как я говорю. Наверняка снова начнут болтать — шпионка Камио-сэнсэя...

— Тебе так говорили? — Кэнта недоверчиво пожал плечами.

— Не в лицо, но сплетни распускали. Говорили, что если при мне сделать что-то плохое, то я настучу Камио-сэнсэю, и что со мной надо держаться осторожно. Относились как к шпионке.

— Ужас! Но, наверное, были и хорошие подруги?

— Да, несколько человек. Одна из них и прислала это сообщение. Но сейчас-то отношения почти не поддерживаем...

— Но если ты не поедешь, отец, наверное, расстроится.

— Отцу все равно, что со мной. Правда, несколько раз в год встречаемся. С другой стороны, если я не поеду, отца замучают расспросами... Ладно, подумаю еще немного.

— Погоди, встреча у вас на следующей неделе, и может так случиться, что тебе при всем желании не удастся поехать.

Маё и сама хорошо понимала, что хотел сказать Кэнта.

— «Корона»?

Он кивнул:

— Губернатор заявил, что есть признаки распространения инфекции. Поэтому, мол, в ближайшее время будут приняты некоторые меры.

— Стей ин Токио. То есть некоторое время из Токио нельзя будет выезжать.

— Вполне возможно. Во всяком случае, шанс есть.

Они имели в виду эпидемию COVID-19, вызванную новым коронавирусом, обнаруженным в 2019 году. Как и во многих странах, здесь, в Японии, невозможно было предположить, когда она закончится.

Была подтверждена эффективность нескольких лекарств, количество заразившихся удалось сократить, и сейчас эпидемия не так уж сильно влияла на повседневную жизнь. Но заразившиеся еще оставались, и иногда их число вдруг резко возрастало. Ладно бы пути распространения заболевания удалось точно выяснить, но неизвестность заставляла быть настороже. Продолжались вспышки инфекции, и поэтому разрабатывались разнообразные меры. Их предпринимали на различных уровнях — от базовых рекомендаций «избегать закрытых помещений, массовых скоплений людей, воздерживаться от выхода на улицу без особой потребности или срочности» до требований закрытия школ или прекращения работы в отдельных отраслях; степень ограничений была самая разная.

Если б, например, вышло распоряжение «избегать выезда из Токио в другие районы страны», ему нельзя было бы не подчиниться без чрезвычайных причин. Это не принуждение, но несоблюдение требований вызвало бы гнев окружающих. В случае проступка устанавливали имя виновного, и тот подвергался массовой травле в Сети.

— Может, и хорошо, если так случится, — сказала Маё со вздохом. — Если запретят уезжать из Токио, то и сомне-

ваться не будет нужды. И никто не станет думать, почему я пропустила встречу.

— Скорее, если в Токио случится новая вспышка, твои земляки скажут, что не следует в такое время возвращаться на родину, — усмехнулся Кэнта.

В последнее время, бывая вдвоем, они часто не надевали маски, особенно на улице. Конечно, в сумочке у Маё маска лежала.

— Да, вот такие дела...

Прежде чем спрятать смартфон, Маё взглянула, который час. Увидев, что уже перевалило за четыре, она с испугом показала Кэнте экран.

— Видишь, сколько уже!

— Опаздываем, давай скорее!

Они быстрым шагом направились к лифту. Собирались после гостиницы сходить в кино. Кинотеатры уже работают в обычном режиме. Это раньше приходилось сидеть через кресло друг от друга, а теперь можно рядом.

* * *

Дом, в котором снимала квартиру Маё, был в минутах ходьбы от станции метро «Морисита». За эту однушку с комнатой около 12 метров, кухней, ванной и туалетом она платила 100 тысяч иен в месяц. Хотелось бы иметь что-то попросторнее, и эта мечта, похоже, могла осуществиться посредством брака.

Когда, вернувшись в эту комнату, Маё села на кровать, часы у изголовья показывали 10:40 вечера. После кино они с Кэнтай перекусили в одном из ресторанчиков района Нихонбаси и попрощались. По субботам они часто вместе проводили время у кого-нибудь из них дома, но, к сожалению, сегодня было воскресенье.

Маё работала в компании по торговле недвижимостью в районе Итигая, в отделе по ремонту квартир. Когда-то

она увлеклась оформлением интерьеров и поступила в университет на отделение дизайна, но потом возник интерес к перестройке квартир целиком, и Маё решила стать архитектором.

Когда она поступила в компанию, Кэнта Накадзё уже там работал. Он отвечал за частные дома, и сначала у них не было точек соприкосновения. Но два с половиной года назад их отделы переехали на один этаж, поэтому они часто виделись. И года полтора как начали встречаться. Кэнта, проявив инициативу, пригласил ее пообедать, что не стало неожиданностью. Они часто обменивались двумя-тремя фразами, и постепенно он почувствовал к ней симпатию. Для Маё Кэнта тоже был небезразличен, что он не мог не заметить.

Через полгода Кэнта сделал предложение. Как раз утихла суматоха с коронавирусом, и Маё ждала этого, так что не слишком удивилась. Но восприняла предложение с облегчением. Она считала, что в 30 лет не стоит тратить время на отношения только ради развлечения.

Конечно, она согласилась. Кэнта хоть и предполагал, что отказа не будет, но тоже почувствовал, что с его плеч словно упал груз.

Она рассказала об этом своему отцу Эйити по телефону. Не стала говорить, что собирается замуж, просто хочет его кое с кем познакомить. Однако тот, похоже, понял.

— Поздравляю, очень хорошо. Ты, наверное, занята, я сам к тебе приеду.

В его тоне Маё слышалось одиночество. С тех пор как мать умерла от инсульта шесть лет назад, Эйити жил один.

Вскоре после этого она познакомил Кэнта с Эйити в японском ресторане на Гиндзе. Было ясно, что Кэнта нервничает, да и улыбка Эйити была какой-то натянутой. Однако Маё перестала беспокоиться — у них, похоже, сложилось неплохое впечатление друг о друге. Позже отец

сказал ей: «Когда он говорил о работе, у него было хорошее выражение лица; можешь выходить за него замуж». На вопрос, что он имеет в виду, Эйити ответил: «Занимаясь ремонтом дома, нужно представлять, что за семья в нем живет, как сделать ее жизнь комфортной. Кэнта, кажется, видит в этом большой смысл. А раз он способен заботиться о чужой семье, то не будет пренебрегать и своей».

Маё подумала, что такой ход мыслей очень в духе ее отца. Учитель японского языка, Эйити был склонен оценивать человеческие качества собеседника по тому, как тот говорит и какие темы выбирает.

Маё вдруг задумалась над теми словами отца. До свадьбы оставалось всего два месяца, а в душе ее было больше волнения, чем надежды. Она сама не понимала, можно ли отмахнуться от этого как от обычной предсвадебной грусти.

Потянувшись за смартфоном, Маё проверила несколько пришедших сообщений, и в это время раздался телефонный звонок. Высветилось имя Момоко Хомма.

Включив линию, она сказала:

— Добрый вечер, давно не слышала.

— Не так уж и давно. Почему не отвечаешь на почту? — спросила Момоко не изменившимся со школы пронзительным голосом.

— Прости, закрутилась немного.

Опять про встречу выпускников... Именно Момоко рассылала приглашения.

— В чем дело? На работе завал?

— Да, и это тоже.

— Тоже — значит, есть и другие причины? А может, тебе неловко участвовать вместе с Камио-сэнсэем в качестве его дочери? Ведь не в этом дело?

— Неловко, говоришь? Просто не хочу причинять всем беспокойство.

— Никто и не беспокоится, — тут же отрезала Момоко. — Уже двадцать лет прошло. Как можно об этом гово-